

УДК 1 (091)

В.И. Метлов

Диалектика в современной идейной ситуации

V.I. Metlov

Dialectic in modern ideological situation

Аннотация. Статья посвящена характеристике условий становления диалектической традиции, основных этапов ее развития. Подчеркивается значение адекватной оценки сложившейся в современной науке ситуации, что только и делает возможным корректное видение диалектики в конкретной ситуации. Отмечается значение предлагаемой концепции возникновения идеи диалектики для решения ряда актуальных проблем, в частности вопроса о единстве научного познания.

Abstract. The paper considers the problem of conditions of dialectical thinking and its dynamics. The importance of correct evaluation of the actual situation in the contemporary science (including philosophy) has been emphasized, only that evaluation makes the vision of dialectics in a particular situation correct. The significance of the proposed concept of dialectic for solution of some actual problems, in particular the problem of the unity of science has been shown.

Ключевые слова: субъект, диалектика, историзм, антиномия, противоречие, снятие, детерминизм
Key words: subject, dialectic, historicism, antinomy, contradiction, sublation, determinism

1. Введение

Уже в античности мы имеем дело с высокими образцами диалектики, представленными в достаточно систематической форме, однако можно сказать, что обращение к диалектике носило достаточно произвольный, случайный, иногда вынужденный характер, характер обреченности (особенно обращающий на себя у Аристотеля и у Канта), во всяком случае, не связанный с характеристикой условий диалектической ситуации, с идеей ее абсолютной и вполне положительной необходимости.

С определенными формами диалектики теоретическое мышление сталкивается с самых первых моментов своего существования: знаменитые апории Зенона, в особенности "летающая стрела", превосходным образом вводят нас в актуальную и сейчас проблематику, разрешение которой немислимо без диалектики – или предмет без движения, или движение без предмета. Историческое познание и общественных явлений, и явлений природы довольно часто оказывалось в затруднении перед приведенной антитезой, достаточно вспомнить в этом отношении перипетии становления аутентичного историзма¹ как в познании общественных явлений, так и в познании природы.

Теоретически чрезвычайно важно в этой связи подчеркнуть, что речь идет не просто о развитии, но о развитии *определенного предмета, определенной реальности*. Идея противоречия как существенной характеристики реальности и как момента, который составляет то, что будет названо ядром диалектики, приходит уже вместе с опытом ответа на вопрос, каким образом должен быть охарактеризован предмет², чтобы он мог быть включенным во временной процесс, развитие, в историю. Элеаты оказываются авторами, фактически дающими ответ на этот вопрос, хотя непосредственно их интересовала другая проблема: предмет может развиваться только в случае, если он содержит свое собственное отрицание, если, иными словами, он конечен, т.е. содержит в себе свое собственное другое; движение нечто возможно только при условии наличия ничто. Именно перед этим вопросом стоит в настоящее время целый ряд отраслей научного познания.

Понимание необходимости противоречия представляет собой уже естественное следствие попыток решения таким образом сформулированного того, что может быть названо основным вопросом диалектики, а именно – каким образом соединить движение и предметность. Но противоречие может принимать различные формы, в частности представленные столкновениями антиномии чистого разума (конечное-бесконечное, континуальное-дискретное, причинное-телеологическое, земное-божественное, или, например, пространственное-временное, структурное-функциональное и т.п.).

¹ Проблема аутентичного историзма как центральная проблема современной философии (и методологии науки).

² Понимание действительности неполно и даже ложно, если оно не включает в себя тенденции будущего развития. Впрочем, это уже ясно из тезисов Маркса о Фейербахе и из их с Энгельсом отношения к истории как единственной науке.

2. Основная часть

Только с появлением "Критики чистого разума" И. Канта начинает развиваться понимание органической связи становления идеи диалектики с активностью субъекта, в полной мере реализуясь в послекантовской классической традиции (Фихте, Шеллинг, Гегель) и, далее, развиваясь в историческом материализме Маркса – Энгельса. Заметим, что один из тезисов Маркса о Фейербахе, а именно тот, который характеризует главный недостаток старого материализма, заключающийся "в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно" (Маркс, Энгельс, 1980), является развитием коперниканского переворота Канта, содержание которого автором "Критики чистого разума" описывается так: "...мы а priori познаем о вещах лишь вложенное в них нами самими" (Кант, 1915). Здесь становится ясным, что проблема диалектики – пусть поначалу в отрицательной форме – оказывается органически связанной с проблемой вещи, что появление антиномичности (а именно *ею* характеризуется начальная стадия диалектического движения) оказывается признаком утраты целостного предмета, предмета, который, существуя, бытийствуя, обнаруживает вместе с тем тенденцию развития, представляя собой предмет в историческом контексте, проще – исторический предмет. Невнимание к феномену связи становления диалектики с активностью субъекта препятствует (мешает) усмотрению диалектических ситуаций и в современной науке, и в общественной жизни: упускается то обстоятельство, что диалектическая ситуация развивается от антиномических форм к разрешению антиномий, разумеется, через промежуточные этапы.

Полезно обратить внимание на то обстоятельство, что диалектика Канта формируется, во-первых, в качестве трансцендентальной логики, т.е. логики, которая в отличие от формальной, занята проблемой отношения внеопытных форм познания к эмпирическому материалу. Но коперниканский переворот в теории познания, который совершается кенигсбергским мыслителем, подчеркнувший активную роль субъекта в формировании изучаемого объекта, и который был тем шагом, что привел к специфически кантовской ситуации, а именно к трансцендентальной логике, положительной форме кантовской диалектики, он же привел и к трансцендентальной диалектике, т.е. к отрицательной, антиномической форме диалектики. Эту последнюю и именуют обычно диалектикой, говоря о Канте, хотя у самого автора "Критики чистого разума" под диалектикой имеется в виду, помимо столкновений антиномии, паралогизмы и идеал чистого разума. То, что становится ясным в связи с Кантом, это связь собственно диалектики с предметностью, вещью: субъективная активность у Канта является не только важным шагом в опыте преодоления кризиса современной ему философии, но фактором, естественно связанным с утверждением вещи в себе. Фактически антиномии свидетельствуют, согласно Канту, что невозможно постижение вещи в себе, паралогизмы же призваны показать, что невозможно выделение сознания в качестве объекта (показывают несостоятельность декартовского *cogito*).

Стоит обратиться и к самому И. Канту, который представляет механизм формирования такого рода ситуаций: "Мы видели здесь (*речь идет о столкновении антиномии* – М.В.) всю диалектическую игру космологических идей, которым не может быть дан соответствующий предмет в возможном опыте, и которые даже не допускают, чтобы разум мыслил их согласно с общими законами опыта, хотя они вовсе не вымышлены произвольно, и разум *необходимо приходит к ним в непрерывном ряду эмпирического синтеза, если хочет освободить от всякого условия и обнять во всей безусловной целостности (Totalität) то, что по правилам опыта всегда может быть определено только условно*" (курсив мой – М.В.) (Кант, 1915).

Легко видеть, до какой степени точности описанные Кантом условия становления антиномических ситуаций воспроизводятся в случае антиномий оснований математики, в частности, антиномии Б. Расселла "множества всех нормальных множеств". "Все антиномии, как логические, так и семантические, имеют общее свойство, которое грубо и нестрого можно определить как *самоприменимость* (или *самоотносимость*)... В любой из этих антиномий та сущность, о которой в ней идет речь, определяется, или характеризуется, посредством некоторой совокупности, к которой она сама принадлежит", – пишут А. Френкель и И. Бар-Хиллел (1966). Но и остальные из названных выше антиномий, в сущности, оказываются довольно точно соответствующими по характеру своего возникновения кантовским столкновениям антиномии чистого разума, представляя собой антиномию абстрактной предметности и столь же абстрактно понятого движения или его условий, объективного и субъективного, материального и идеального в конечном итоге. У Канта столкновения антиномии чистого разума – это, помимо других характеристик, столкновение априоризма и эмпиризма.

Довольно ясное общее осознание задачи – концептуализация движения, эволюции, истории – само по себе мало способствует решению специфической проблемы в каждой конкретной отрасли научного познания. В пространстве значимости задачи мы имеем дело, как уже было отмечено, с кризисом, который как раз и находит свое выражение в распаде единого динамического целого на

предметность и движение (сознание, историю), в утрате прежнего видения предмета, закрепленное в древности в учениях соответственно Парменида и Гераклита, в XX столетии – в концепциях В. Оствальда и А. Бергсона. Наконец, в формировании метафизики бытия и метафизики становления сформировалось то, что может быть названо наиболее общим выражением противостояния бытия и становления, реальности и процесса.

С точки зрения метода оказывается очень важным осознание того обстоятельства, что сложившиеся в основаниях различного рода дисциплин антиномические ситуации, противоречия в общем смысле оказываются противоречиями кантовского типа, что, следовательно, в деле разрешения названных противоречий может оказаться чрезвычайно важным и полезным опыт преодоления кантовского типа антиномичности в последующем за Кантом развитии классической немецкой философии³. Разрешение этих антиномий, в сущности, означало обретение предмета, бывшего у Канта вещью в себе, чем и занималась классическая немецкая философия. Но это еще предстоит сделать и многим современным отраслям научного познания, в которых оказывается нерешенной проблема оснований как единства тождества и различия – предмета той или иной научной дисциплины, т.е. не разрешены возникшие в основаниях этих дисциплин антиномии.

Одним из странных феноменов современной теоретической жизни является отсутствие понимания этой связи активности субъекта с процессом становления диалектики, поначалу именно в ее антиномической форме, в современной методологии науки: неклассическая наука характеризуется как определяемая участием субъекта в формировании изучаемого предмета. Но ведь это всего лишь Кант с его коперниканским переворотом. Два обстоятельства должны быть отмечены: во-первых, это отсутствие понимания того факта, что мы имеем здесь дело с начальной стадией становления диалектики в материале науки, а именно с ее кантовской стадией, стадией антиномического выступления диалектической противоречивости; во-вторых, так называемую неклассическую науку вовсе не следует связывать с процессом становления квантовой механики, когда, по словам Н. Бора, деятельность субъекта оказывается существенной для изучаемого объекта⁴. Наука всегда характеризовалась деятельностью субъекта, выделяющего объект своего теоретического интереса, – понимание этого обстоятельства учеными-специалистами пришло лишь с квантовой механикой, в философии же это стало общим местом, по крайней мере, со времен Канта.

Можно в связи со сказанным говорить о кантовской ситуации в современной жизни идей. Говоря об этом, следует, прежде всего, отметить существование антиномий в основаниях практически всех отраслей современного научного познания, антиномий, которые ждут своего разрешения, синтеза, снятия. Достаточно упомянуть антиномии оснований математики, в частности, знаменитую антиномию множества всех нормальных множеств, о которой уже шла речь, корпускулярно-волновой дуализм и квантовую теорию с теорией относительности в физике, антиномичный до сравнительно недавнего времени характер отношения дарвинизма и менделизма, антиномии исторического познания, политической экономики, психологии. Все эти и не названные антиномии других отраслей научного познания оказываются в целом антиномиями предметности и движения, которые резюмируются в идущей из древности апории "летающая стрела", а в сравнительно близкое к нам время представлены такими авторами, как В. Оствальд с его энергетизмом, в котором энергия отрывается от ее носителя, или, скажем, А. Бергсон с его утверждением существования движения без того, что движется: *"Существуют изменения, но за этими изменениями нет вещей, которые бы изменялись: изменение не нуждается в опоре (support). Существуют движения, но не существует инертного неизменного объекта, который движется: движение не имплицитно движущегося (mobile)"* (Bergson, 1934).

С таким образом сложившимся положением вещей коррелирует распад исследований на обосновательные (foundational) и методологические, особенно обращающий на себя внимание в философии науки, но не прошедший и мимо философии в целом. Достаточно вспомнить в этой связи раздвоение метафизики на метафизику бытия и метафизику становления.

Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что названный распад представляет собой довольно точное воспроизведение структуры кантовских "Критик", где мы имеем дело с разделами об элементах (обосновательная проблематика) и учением о методе (разумеется, трансцендентальных у

³ Очень важно обратить внимание на то обстоятельство, что структура антиномии, вообще диалектического противоречия с абсолютной точностью копирует отношение "субъект – объект". Это, конечно, совершенно естественно, поскольку само становление диалектической ситуации оказывается связанным с действием субъектного фактора или эквивалентного ему, если речь заходит о реальности внечеловеческой.

⁴ "В то время как в классической физике взаимодействием между объектом и прибором можно пренебречь или, если надо, можно его компенсировать, в квантовой физике это взаимодействие составляет нераздельную часть явления. Сообразно этому, однозначное описание собственно квантового явления должно, в принципе, включать описание всех существенных частей экспериментальной установки" (Бор Н. Атомная физика и человеческое познание).

Канта). Пониманием фундаментальности описанной здесь проблематики отмечены, нам представляется, лишь самые выдающиеся метафизические работы XX столетия, в частности и в первую очередь назовем здесь "Бытие и время" М. Хайдеггера и "Процесс и реальность" А. Уайтхеда. Озабоченность этой проблемой, которой философия занята фактически почти на всех этапах своего существования – это озабоченность такой проблемой метафизики, которая на определенных этапах развития становится самой главной, в сущности, модификацией того, что называют основным вопросом философии (Энгельс, Хайдеггер). "Метафизика, – отмечал А. Бергсон (1934), – рождается из аргументов Зенона Элейского, относящихся к изменению и движению".

Проблема соединения предметного и движения продолжает оставаться трудной и актуальной проблемой как для философии в целом, так и для отдельных отраслей современного научного познания. Представляется важным отметить в этой связи обстоятельство, что последующая за Кантом классическая философская традиция разрешила эту проблему в общем виде, а в историческом материализме это решение приняло не только общезначимые для познания формы, но и реализовалось в применении к конкретной отрасли познания. Это последнее означало становление науки нового типа, обстоятельство, ставшее основанием для неоднократно цитированного нами заявления И. Пригожина о том, что кончилось время науки Галилея, Ньютона, Канта, начинается время науки Гегеля, Дарвина и особенно Маркса.

Тем не менее, в современной идейной атмосфере мы видим на авансцене противостояние двух линий развития кантовской доктрины – линии Гегеля и линии Шопенгауэра, философии *откуда, как, куда* и философии *что*. Эта последняя нашла, в частности, свое воплощение в попперовском антиисторизме. Квалификация актуальной познавательной ситуации как кантовской дает определенные ориентиры для преодоления антиномичности и общего характера, и проявляющейся в отдельных дисциплинах. Как это ни прискорбно отметить, специалисты в различных отраслях научного познания оказались более чуткими в деле понимания направленности современного научного познания, чем профессиональные философы.

Послекантовская классическая философия Германии была озабочена проблемой вещи, проблемой устранения барьера, отделявшего вещь от субъекта, от человека, и это стало основным содержанием диалектического движения. Возможным это оказалось на пути более последовательного, чем это имело место у Канта, проведения принципа активности субъекта. *Вещь и ее обретение оказывается в этой связи главной проблемой диалектики*. Что она, вещь, оказывается живым противоречием, становится ясным из самого содержания диалектического движения. Это, кстати, позволяет ближе подойти к пониманию того, что называется диалектическим противоречием как к противоречию материального и идеального. «Вещь есть "я"; фактически в этом бесконечном суждении вещь снята; она – ничто в себе; она имеет значение только в отношении, только *благодаря "я"* и своему *соотношению с ним*», – скажет Гегель (1959), а Хайдеггер, в сущности, вторит ему, утверждая идентичность вопроса о вещи и вопроса о человеке: «Вопрос "Что такое вещь?" является вопросом "Что такое человек?" Это не означает, что вещи сводятся к человеческому продукту, но напротив: следует понять человека как то, что постоянно осуществляет скачок за пределы вещей, но такого рода, что этот скачок оказывается возможным в той мере, в какой вещи сами предлагают себя и таким образом остаются в точности самими собою – в той мере, в какой они отсылают нас самих позади нас самих и нашей видимости. В кантовском вопросе о вещи открывается размерность, которая простирается между вещью и человеком, и царство которой простирается за пределы вещи (*par-delà les choses*) и позади людей» (Heidegger, 1971).

Понимание человеческой составляющей вещи, того контекста, в котором она возникает, а это – определенное отношение субъективного и объективного, материального и идеального, так сказать, двууровневость действующей в этом процессе логики, *исключает какое-либо соперничество диалектической и формальной (одноуровневой) логик, псевдопроблему, которой уделялось большое внимание и в отечественной и в зарубежной литературе* (Lefebvre, 1969).

Интерес к вещи и ее обретению – а это было, как видим, и обретение свободы человека, обретение человеком самого себя – затмевал интерес к собственно противоречию. Гегель оказал здесь очень плохую услугу последующим поколениям диалектиков, употребляя термин "противоречие" (Widerspruch) как для противоречия формально-логического, так и для того, что могло показаться схожим с формально-логическим противоречием в диалектике. Кант был, кажется, более осторожным, характеризуя антиномическую ситуацию как "столкновение" (Widerstreit).

Принципиально важным представляется диалектический подход к проблемам истории. Подчеркнем сразу же, что аутентичный историзм невозможен без диалектики. Все стало рассматриваться в эволюционной, исторической перспективе, все стало историческим, и вместе с тем в этот же период поднимается новая волна борьбы с историзмом (К. Поппер, К. Леви-Стросс), в основе которой фактически лежат те же соображения, которые подвигли на отрицание возможности науки истории

Шопенгауэра, а именно, неспособность соединить *что*, предметное, и *откуда, как, куда*, т.е. параметров, характеризующих движение.

В общем виде мы видим решение проблемы историзма в последующей за Кантом философской традиции, в первую очередь, конечно, у Гегеля, решение, которое связано с характеристикой развивающейся реальности как диалектического противоречия, как содержащей в себе момент отрицательности, или, как когда-то говорил Г.В. Лейбниц, внутренний принцип различия. В историческом материализме Маркса – Энгельса этот момент принимает практически осязаемые формы, реализуясь в понятиях способа производства как противоречивого единства производительных сил и производственных отношений, общественно-экономической формации.

Понимание того, что проблема историзма, возможности науки истории – это, прежде всего, проблема характеристики предмета исторического движения, очень определенно присутствует в работах выдающихся биологов-эволюционистов. Рассматривая причины, по которым "Дарвину не удалось решить проблему, определенную в названии его труда", – Э. Майр приходит к выводу, что "основной среди них была неопределенность представлений Дарвина о природе видов. ... Понимание природы видов, таким образом, является необходимой предпосылкой понимания эволюционного процесса" (Майр, 1974). Подчеркнем еще раз также, что, с другой стороны, понимание вещи не будет полным, если оно не связано с характеристикой тенденции ее развития.

Историзм, аутентичное решение связанных с ним задач – это разрешение, снятие антиномий, с которыми мы имеем дело в основаниях практически всех основных отраслей современного научного познания, это обретение предмета соответствующих отраслей науки. Решение этого рода задач – это преодоление барьера, идентичного установленному Кантом между субъектом и вещью в себе. Понимание этого последнего обстоятельства способно открыть перспективу развития исследований в самых различных сферах научного познания. *Вещь оказывается познаваемой, вещью для нас, только в качестве исторической вещи.* Значение этого обстоятельства отмечалось неоднократно и в разные эпохи. Создатели исторического материализма писали: "Мы знаем одну-единственную науку, науку истории" (Маркс, Энгельс, 1980). Их соотечественник, наш современник, физик, философ и историк науки К. фон Вайцзеккер заявляет: "Развитие науки имеет тенденцию (tendiert) к науке о развитии" (Weizsäcker, 1981).

В самом же общем случае диалектический характер теоретизирования в философии и методологии науки находит свое выражение в стремлении к синтезу, стремлении избежать крайностей, осторожное отношение к ним⁵. Ясное понимание необходимости перехода от науки Канта к науке Гегеля и, далее, Маркса является покамест достоянием немногих (И. Пригожин). В современной же философии в целом интерес к диалектике, кажется, только начинает возрождаться. Мы не имеем в виду здесь тех, кто никогда не покидал позиций диалектики.

Следует, правда, заметить, что даже противники диалектики впадают иногда в диалектические ситуации, и вовсе не всегда как ее, диалектики, пассивные жертвы. Яркий пример – М. Хайдеггер: историзм ("мы живем в эпоху перехода от метафизики к историческому мышлению бытия"), отношение к бытию, техника, тождество и различие, истина и ее пресуществование – это те проблемы, где Хайдеггер не может обойтись без той или иной дозы диалектического метода.

Хайдеггер достаточно давно заявил о себе как противнике диалектики. В главном своем труде он пишет: "Проблематика греческой онтологии, как и проблематика любой онтологии, должна извлечь из самого Dasein свою руководящую линию. Dasein, бытие человека, будь оно "определено" распространенным (couramment) или философским образом, не в меньшей мере выделено (cerné) как ζῶον λογὸν ἔχον, живое, бытие которого определяется существенно способностью (par le pouvoir) говорить. Λεγεῖν служит гидом, чтобы прийти к структурам бытия сущего, встречающихся там, где речь идет о том, что они такое и дебатировать это. Поэтому античная онтология Платона развивается в "диалектику". По мере того, как прогрессирует выработка ведущей онтологической нити самой по себе, чем больше идет вперед "герменевтика" λογος'а, тем больше возрастает возможность более радикально схватить проблему бытия. "Диалектика", которая свидетельствовала об аутентичном философском затруднении, становится излишней" (Heidegger, 1990).

В написанной Хайдеггером вскоре после выхода "Бытия и времени" работе "Кант и проблема метафизики" кантовской диалектике не уделяется ни малейшего внимания. Создается впечатление, что "Критика чистого разума" принимается всерьез только до раздела, посвященного трансцендентальной диалектике. Есть у Хайдеггера основания для такого отношения к этой части кантовской работы: трансцендентальная диалектика, в сущности, может служить существенным аргументом против онтологического прочтения "Критики чистого разума".

⁵ См., напр., Weizsäcker, C.-F. Frhr. v. Zeit und Wissen. Hanser, 1992; коллективный труд Le cerveau et la pensée. Ed. Science Humaines, 1999; Наука и ее методы накануне XXI столетия. М., 2004.

В коллоквиуме, посвященном специально выяснению отношения к диалектике, Хайдеггер, в сущности, повторил сказанное в "Бытии и времени", хотя под влиянием критики несколько смягчил свою позицию⁶.

Тем не менее, вопреки заявленному явно отношению к диалектике, нельзя не увидеть того простого факта, что Хайдеггер не только становится иногда, так сказать, жертвой диалектического движения, но и сам, сознательно, не может обойтись без некоторых движений явно диалектического характера. Нельзя не отметить уже главный его труд, который представил в качестве проблемы подлинно диалектическую проблему, проблему отношения предметности и движения. Уважительное отношение к Гегелю – "Гегель должен быть усвоен и преодолен" – говорит о том же.

Проблемы историзма, необходимость их разрешения также не дают, например, Хайдеггеру возможности радикально избавиться от диалектики; впрочем, это уже следствие того, что ему не удалось освободиться от субъекта; на это последнее обратил внимание Ю. Хабермас. М. Хайдеггер утверждал, что мы живем в "век перехода от метафизики к историческому мышлению бытия" (Heidegger, 1989). В этом же русле следует оценить и сконструированное им понятие *Wesung* (деформированное суффиксом *-ung* существительное *Wesen* приобретает тем самым динамический характер), призванное снять противоречие *что* и *как* – того же порядка отношение, что и снимаемое биологами, т.е. разрешаемое ими противоречие менделеевского и дарвиновского (линнеевского и дарвиновского) подходов.

Модификацию той же самой проблемы, что и вынесенная в заглавие его главного труда, обсуждается в связи с концепцией истины.

"Вопрос о пресуществлении (*Wesung*) истины как первоначально, исходно исторически основанный вопрос... И если это действительно, не только представить сущность как *чтобытие* (*Wassein*) (*ιδεα*), но узнать пресуществление, претворение (*die Wesung*), первоначальное единство *чтобытия* (*Wasseins*) и *какбытия* (*Wiesein*), тогда означает это не то, чтобы теперь к *чтобытию* представить *какбытие*. Мы говорим здесь об опыте пресуществления (*Wesung*) и подразумеваем под этим знающее-намеренно-согласованное вхождение (*Einfahren*) в пресуществление, чтобы в нем стоять и его выдерживать"⁷.

Вообще же диалектическое движение, как уже отмечалось, предстает, как правило, в стремлении избежать крайностей, может быть, лучше сказать, преодолеть крайности, подчеркнуть значение эволюционного, исторического подхода. Этим отмечены исследования по проблемам сознания в области физики, химии, экономики, целого ряда других научных дисциплин. Но, быть может, самый впечатляющий, парадигмальный пример диалектического развития материала дает эволюционная биология. Что представляется наиболее важным из понятого биологами – ясное сознание обстоятельства, что проблема развития не может быть решена без понимания что такое то, *что* развивается.

В отличие от того, что утверждает, например, К. Поппер, теоретики биологии в высшей мере заинтересованно относятся к проблеме исходного элементарного эволюционирующего уровня, т.е. к проблеме, решением которой пренебрегают и Поппер, и Кун. Выше мы уже обратили внимание на характеристику причин неудачи Дарвина в деле решения задачи происхождения видов, данную выдающимся дарвинистом Майром, которые сводятся к одной главной, а именно отсутствию ясного понимания природы видов (Mайр, 1974).

Майр не ограничивается констатацией неудачи Дарвина, но дает ясное – пусть и самое общее – представление о том предмете, об эволюции которого идет речь: "Биологическая концепция вида разрешает также парадокс, порожденный конфликтом между стабильностью видов в понимании натуралиста и пластичностью видов в понимании эволюциониста. Именно этот конфликт заставил Линнея отрицать эволюцию, а Дарвина – отрицать реальность видов... Биологический вид соединяет в себе дискретность вида в данной местности и в данное время с эволюционной потенцией к постоянным изменениям" (Mайр, 1974). Апория типа "летающей стрелы" Зенона из Элеи, этого тонкого диалектика, как его характеризует И. Кант, оказывается разрешенной в эволюционной теории.

Подобно тому, как некогда Кант обратился в поисках аутентичных средств преодоления кризиса современной ему философии к процветающим в его время математике и естествознанию, сегодня можно и нужно обратиться к эволюционной биологии как парадигме научного познания наших дней для преодоления кризиса и отдельных отраслей современной науки, и современной философии.

Разумеется, совершенно необходимо ясно представлять себе то обстоятельство, что в специально-научном материале и во времена Канта, и в наше время следует брать в качестве имеющего

⁶ Philosophie. Heidegger. № 69. Les Editions de Minuit. P. 5-11.

⁷ Heidegger M. GA. Bd 45, S. 202, 201. Соотечественником М. Хайдеггера это комментируется так: "... Wahrheit kein Zustand, sondern Lebensvollzug oder Lebensgeschehen" (G. Figal. Zu Heidegger. Antworten und Fragen. V. Klostermann, 2009, S.109).

значение специфически философское, а не то, что представляет особенную характеристику специально-научного материала. Для Канта в практике современных ему естествоиспытателей интерес представляет необычное по сравнению с прошлыми периодами положение субъекта по отношению к объекту, что резюмируется им с афористической краткостью: "мы а priori познаем о вещах лишь вложенное в них нами самими" (Кант, 1915). Но и для нас, ориентирующихся на эволюционную концепцию, интерес представляет то философское, что так органично включено в специально-научный материал.

Невозможно не обратить внимания на то решение проблемы механического и телеологического, которое осуществлено в биологической теории эволюции. Решение проблемы соотношения эволюционного взгляда и генетики – именно этому посвящена основополагающая статья С.С. Четверикова (1926) – представляет собой снятие проблемы, составляющей содержание третьего столкновения антиномии чистого разума Канта. Конечно, эта последняя была разрешена, снята в послекантовском развитии немецкой классической философии, но к этой традиции в настоящее время обращаются не так уж часто, и призывы стать на этот путь начинают раздаваться лишь в последнее время (Gabriel, Zizek, 2009).

Надо обратить внимание и на, может быть, более выдержанное, чем у Майра, в философском отношении высказывание другого биолога, Р. Левонтина (1978), отметившего, что разрешение конфликта менделизма и дарвинизма представляет собой разрешение в биологическом материале проблемы тождества и различия, разрешение, которому были бы рады гегельянцы.

Понимание органической связи, существующей между активностью субъекта и становлением идеи диалектики, представляется важным в деле решения проблемы единства научного знания, в деле преодоления разрыва между естественнонаучным знанием и знанием социально-гуманитарным. В обоих случаях мы имеем дело с одинаковым типом формирования предмета познания, с одинаковым типом детерминизма. Полезно также иметь в виду, что в деле становления единства науки существенную общеметодическую роль играет именно фактор активности субъекта, который и придает эволюционную, историческую размерность характеристике изучаемой реальности. Этот же фактор определяет и становление целостности знания, ориентируя на динамическое понимание этого феномена. Движение к этой целостности осуществляется, можно сказать, в противоположных направлениях: в естествознании, где господствующим является *объяснение*, проникает герменевтический элемент, связанный с *пониманием*, в социально-гуманитарные дисциплины входит элемент объяснения.

Антропный принцип – "вселенная ... должна быть такой, чтобы в ней, на некотором этапе эволюции допускалось существование наблюдателей" (Философский..., 2001) (в данном случае нас не интересует различие между сильной и слабой формулировками принципа) – представляет собой как раз реакцию на неполноту специально-научного знания без человеческой, субъектной составляющей, понимание необходимости смысловой компоненты. В более общей форме это представлено в работах П. Хилана (Heelan, 1983). С некоторых пор в связи с развитием синергетики это становится общим местом.

Неполнотой характеризуется и социально-гуманитарное знание, а это, по преимуществу, историческое знание, которое, по мнению ряда авторов, использует герменевтический метод. Характеризуя социологию как науку, М. Вебер говорит о необходимости "*понимать* социальное действие, истолковывая, и причинно *объяснять* его" (Weber, 1968). В близкие к нам времена на необходимость преодоления разрыва объяснения и понимания очень определенно обратил внимание П. Рикер⁸. Важно подчеркнуть, что только в целостности каждая из составляющих – естественнонаучная и социально-гуманитарная – обретает собственный смысл, оказываясь в равной степени ущербной, будучи взятой обособленно: как естественнонаучное знание, лишенное своей исторической компоненты, оказывается неполным, неадекватным знанием реальности, в такой же степени, хотя и на другом основании, неполнотой страдает и социо-гуманитарное постижение реальности – его понимание, взятое само по себе, оказывается лишенным того аспекта причинности, которое было доминирующим в ньютоновском понимании детерминизма в природе.

Вещь оказывается аутентично познанной, когда она рассмотрена в конечном итоге в рамках социальной формы движения материи. Здесь она выступает как тотальность, пользуясь выражением Гегеля. Участие человеческого фактора в познании реальности – это не помеха познанию интересующей

⁸ Подчеркивая необходимость преодоления антитезы объяснения – понимания, с которой имеет дело историческая наука, Рикер пишет: «Я называю далее объясняющей/понимающей (explicative/comprehensive) фазой ту, которая касается многократного использования связки "потому что" (parce que), соответствующей вопросу "почему" (pourquoi): почему вещи произошли таким образом, а не иначе? Двойственное обозначение (le titre double), объяснение/понимание, много говорит об отказе от оппозиции между объяснением и пониманием, которая слишком часто препятствовала постижению во всем ее объеме и сложности трактовки исторического "потому что"» (Ricoeur, 2000).

нас реальности, но необходимое условие аутентичного познания, поскольку речь идет фактически об аутентичной характеристике детерминизма, определившего становление интересующей нас реальности⁹. Уже структура антиномии содержит герменевтический элемент. Когда Гегель говорит, что телеология является истиной механизма, это означает: целевое оказывается тем, к чему стремится механизм, т.е. телеологическое, являясь одной из сторон детерминации, оказывается целью – тем, что нуждается в герменевтическом, смысловом видении. Диалектическое противоречие, таким образом, имеет и герменевтический смысл, диалектика в целом включает в себя герменевтику. Эта последняя не только не устраняет диалектику, как полагает Хайдеггер, но напротив, только приобретает аутентичный смысл в рамках диалектики. Это вовсе не означает отрицание специфики подхода, характеристик познания в каждой из названных областей, задача состоит лишь в том, чтобы видеть эту специфику в рамках целостности, тотальности. Мистическое содержание, с которым ассоциируется иногда представление о телеологии, устраняется, когда понимается, что целевое, телеологическое – это фактически то, что представляет собою стремление к сохранению индивидуальности. Целостный организм, преломляющий внешние воздействия, являет собою элемент детерминизма, определяющего общее поведение организма в среде. Очень интересными в связи с рассматриваемой проблематикой являются соображения Г.Г. Шпета: "Диалектика поэтического смысла с точки зрения логики науки может казаться квази-логической, она – фантазирующая и поэтическая, но в основе ее – та же чистая объективная семасиологическая диалектика, что и в научной речи; точно так же, как поэтический синтаксис со всеми своими отступлениями от условной средней – закономерен и подчинен идеально устойчивым формам управления" (Шпет, 1999).

3. Заключение

Принципиальная содержательность диалектики – а она с самого начала представлена как определенного рода логика взаимоотношения эмпирического и априорного, субъектного и объектного, материального и идеального – оказывается той особенностью, которая позволяет избежать сведения мышления к калькулированию, что представляется вполне реальной опасностью. Мышление в наше время не является чем-то само собой разумеющимся. Хайдеггер утверждает: «...занятие философией может быть самой закоренелой формой самообмана в том, что мы мыслим только потому, что непрерывно "философствуем"» (Хайдеггер, 2006).

Издатель и интерпретатор А. Шопенгауэра А. Хюбшер задается вопросом, не идет ли мышление к смерти и, кажется, склоняется к положительному ответу на поставленный вопрос (Хюбшер, 1962). Близки к этому автору в своей тревоге за судьбу мышления Ж. Делез и Ф. Гваттари: "Если эти три возраста понятия суть энциклопедия, педагогика и профессиональное коммерческое образование, то единственно второе может не позволить нам упасть с вершин первого в абсолютную катастрофу третьего, абсолютную катастрофу для мышления (курсив мой – М.В.), какими бы ни были, разумеется, социальные преимущества с точки зрения универсального капитализма" (Deleuze, Guattari, 1991).

Почетный профессор Сорбонны М. Конш, отвечая на вопрос "что значит мыслить", сказал так: **мыслить, значит, интересоваться вещами**, а не словами и способами их социально полезного употребления; он обратил внимание на важность иметь собственную внутреннюю "мыслительную" (pensoir), обладание которой так основательно показал Сократ; отметил, что самая великая вещь на свете – это уметь быть самим собой. Приводя случай королевы Христины, отказавшейся от престола, он пишет: "Любовь и мышление говорят одними словами: свобода, радость свободы"¹⁰.

Мышление в этой связи оказывается моментом диалектического процесса. Будучи предметной, диалектика представляет собою путь к разрешению возникающей противоречивости теоретического и практического. Но в этом отношении она уже выступает не только в качестве чего-то теоретического. Хайдеггер, кажется, не ошибался, когда утверждал – мы приводили выше эту его фразу – что мы живем в эпоху перехода от метафизики к историческому мышлению бытия. Впрочем, это уже достаточно старая мысль, высказанная еще в пору молодости создателями исторического материализма.

Литература

- Bergson H.** La pensée et le mouvant. Paris, p. 185, 177, 1934.
Deleuze G., Guattari F. Qu'est-ce que la philosophie. Les Editions de Minuit, p. 17, 1991.
Gabriel M., Zizek S. Mythology, madness and laughter. Subjectivity in German Idealism. London, Continuum, 2009.
Heelan P. Natural sciences as a hermeneutic of instrumentation. *Philosophy of Science*, v. 50, June, N 2, p. 181-204, 1983.

⁹ Это совсем не исключает необходимости аккуратного анализа характера и содержания этого участия.

¹⁰ Le monde selon les grands penseurs actuels. SCALI. 2007, p. 325-328.

- Heidegger M.** Beiträge zur Philosophie. Frankfurt am Main, V. Klostermann Verlag, S. 3, 1989.
- Heidegger M.** Etre et Temps. Paris, Gallimard, p. 51, 1990.
- Heidegger M.** Qu'est-ce qu'une chose? Paris, Gallimard, p. 249-250, 1971.
- Lefebvre H.** Logique formelle. Logique dialectique. Paris, Gallimard, 1969.
- Weber M.** Soziologische Grundbegriffe. Im: *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Tübingen, S. 542, 1968.
- Weizsäcker C.-F. Frhr. v.** Die philosophische Interpretation der modernen Physik. Halle (Saale), S. 7, 1981.
- Гегель Г.В.Ф.** Феноменология духа. Сочинения: в 14 т. М., Изд-во социально-экономической литературы, т. IV, с. 423-424, 1959.
- Кант И.** Критика чистого разума. Петроград, Изд. Стасюлевича, с. 13, 15, 286, 1915.
- Левонтин Р.** Генетические основы эволюции. М., Мир, с. 19, 1978.
- Майр Э.** Популяции, виды и эволюция. М., Мир, с. 19, 22, 1974.
- Маркс К., Энгельс Ф.** Избр. произв.: в 3 т. М., Изд-во политической литературы, т. 1, с. 1, 5, 1980.
- Философский словарь. Под ред. И.Т. Фролова. М., Республика, с. 36, 2001.
- Френкель А., Бар-Хиллел И.** Основания теории множеств. М., Мир, с. 24, 1966.
- Хайдеггер М.** Что зовется мышлением? М., Издательский дом "Территория будущего", с. 37, 2006.
- Хюбшер А.** Мыслители нашего времени. М., Мысль, с. 49, 1962.
- Четвериков С.С.** О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики. Журнал экспериментальной биологии, (A) 2, т. 2, вып. 1, с. 3-54, 1926.
- Шпет Г.Г.** Внутренняя форма слова. Иваново, изд-во ИвГУ, с. 196, 1999.

References

- Bergson H.** La pensée et le mouvant. Paris, p. 185, 177, 1934.
- Deleuze G., Guattari F.** Qu'est-ce que la philosophie. Les Editions de Minuit, p. 17, 1991.
- Gabriel M., Zizek S.** Mythology, madness and laughter. Subjectivity in German Idealism. London, Continuum, 2009.
- Heelan P.** Natural sciences as a hermeneutic of instrumentation. Philosophy of Science, v. 50, June, N 2, p. 181-204, 1983.
- Heidegger M.** Beiträge zur Philosophie. Frankfurt am Main, V. Klostermann Verlag, S. 3, 1989.
- Heidegger M.** Etre et Temps. Paris, Gallimard, p. 51, 1990.
- Heidegger M.** Qu'est-ce qu'une chose? Paris, Gallimard, p. 249-250, 1971.
- Lefebvre H.** Logique formelle. Logique dialectique. Paris, Gallimard, 1969.
- Weber M.** Soziologische Grundbegriffe. Im: *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Tübingen, S. 542, 1968.
- Weizsäcker C.-F. Frhr. v.** Die philosophische Interpretation der modernen Physik. Halle (Saale), S. 7, 1981.
- Gegel G.V.F.** Fenomenologiya duha [Phenomenology of spirit]. Sochineniya: v 14 t. M., Izd-vo sotsialno-ekonomicheskoy literatury, t. IV, p. 423-424, 1959.
- Kant I.** Kritika chistogo razuma [Critique of pure reason]. Petrograd, Izd. Stasyulevicha, p. 13, 15, 286, 1915.
- Levontin R.** Geneticheskie osnovy evolyutsii [Genetic basis of the evolution]. M., Mir, p. 19, 1978.
- Mayr E.** Populyatsii, vidy i evolyutsiya [Populations, species and evolution]. M., Mir, p. 19, 22, 1974.
- Marks K., Engels F.** Izbr. proizv.: v 3 t. [Selected works: in 3 v.] M., Izd-vo politicheskoy literatury, t. 1, p. 1, 5, 1980.
- Философский словарь [Philosophical vocabulary]. Под ред. И.Т. Фролова. М., Республика, p. 36, 2001.
- Frenkel A., Bar-Hillel I.** Osnovaniya teorii mnozhestv [Foundations of the theory of sets]. M., Mir, p. 24, 1966.
- Haidegger M.** Chto zovetsya myshleniem? [What is called thinking?] M., Izdatelskiy dom "Territoriya budushego", p. 37, 2006.
- Huybsher A.** Mysliteli nashego vremeni [Thinkers of our time]. M., Mysl, p. 49, 1962.
- Chetverikov S.S.** O nekotorykh momentah evolyutsionnogo protsessa s tochki zreniya sovremennoy genetiki [On some aspects of the evolutionary process from the standpoint of modern genetics]. Zhurnal eksperimentalnoy biologii, (A) 2, t. 2, vyp. 1, p. 3-54, 1926.
- Shpet G.G.** Vnutrennyaya forma slova [Inner form of the word]. Ivanovo, izd-vo IvGU, p. 196, 1999.

Информация об авторе

Метлов Владимир Иванович – философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р филос. наук, профессор кафедры онтологии и теории познания

Metlov V.I. – Philosophical Faculty of M.V. Lomonosov Moscow State University, Dr of Philos. Sci., Professor of Department of Ontology and Theory of Knowledge